

ИЛЬЯ РЕПИН И СЕМЬЯ ШУВАЛОВЫХ

Елена МАЙЯЛА

Илья Ефимович Репин состоялся как великий национальный живописец и для русских, и для финнов одновременно. Его творческий и жизненный путь невозможно разделить только лишь по этим двум национальным квартирам. Написано о его работах и судьбе много. Но это тот случай, когда масштаб личности не предполагает закрытия темы за её исчерпанностью. Обязательно найдутся – и находятся – всё новые и новые ракурсы, откуда этот финский русский – прилагательное и существительное меняются местами в зависимости от этой самой национальной квартиры – художник открывается как-то иначе, по-новому. Так, как он только и мог быть виден тем, кто сохранил память о личном с ним общении.

Свои драгоценные воспоминания о теперь уже теряющемся в дымке времени прошедшем хранят в роду Шуваловых. "Точкой отсчёта" в предлагаемом Вам, уважаемый читатель, безыскусном – и тем и ценном – рассказе-путешествии в былое стал Александр Шувалов, владелец шоколадной фабрики в Санкт-Петербурге "В.Шувалов и Сыновья". На ней когда-то стажировался Карл Фацер – тот самый, что стал легендой финской кондитерской отрасли. А теперь предоставим слово автору этих заметок Елене Майяла, известной художнице, переводчице, чья жизнь сама по себе есть богатейшая иллюстрация перипетий века минувшего.

Семья моего более чем сороклетнего по меркам того времени деда в 1901 году купила дачу в Терийоки /позже Куоккала/. Илья Репин оказался нашим соседом. Особняк его, известный как дом в Пенатах, был местом притяжения петербургской художественной элиты и аристократической знати. Говоря современным языком, это был своего рода клуб, где шли беспрестанные дискуссии по искусству, принимали и провожали его знатоков, в чём самое активное участие принимала моя бабушка, Антонина Антоновна. Тётя моя, Мария Шувалова, и её брат, мой отец Николай, ещё, будучи совсем маленькими, были постоянными свидетелями этого, как тогда казалось, нескончаемого пира искусства и со всей жадностью детского восприятия впитывали в себя происходящее вокруг, тем более, что сделать это им было легко: семьи Репиных и Шуваловых близко подружились.

После революции, в страшном 1918-м, незадолго до закрытия границы, Шуваловы решили сделать Терийоки постоянным местом обитания, махнув рукой на всё, что осталось в России, а ведь там осталось детство деда – его фабрика. Нужно было отлаживать жизнь заново. Дед поступил на службу на кондитерскую фабрику в Выборге. Тётя и отец пошли в русскую школу в Терийоки. А между тем для Репина настали времена ещё более суровые, чем для нас. Его семейное гнездо выглядело разорённым. Неоткуда было ждать гостей – ценителей искусства. Картины никого не интересовали, покупателей сдуло ветром непонятных и зловещих перемен. Всё и вся приходило в упадок: дом ветшал на глазах, сама жизнь затухала...

У Ильи Репина было четверо детей: три дочери – Вера, Татьяна и Надежда – и сын Юрий, красавец с точеными чертами лица. Но был он странен, закрыт, необщителен. Увлекался мистикой. Жил в собственном доме недалеко от Пенат с женой Параскевой и сыновьями Георгием и Дмитрием. Судьба его трагична: он пытался пойти по стопам отца, но известности как художник не сыскал, всегда оставался в тени родителя. Мучался видениями, мрачными предчувствиями, слышал некие го-

лоса и с жизнью своей покончил самовластно в 1954 году. Старшая же дочь Вера, живя с отцом, взвалила на свои плечи тяжелейшее бремя ведения разваливающегося хозяйства. А ведь она получила прекрасное актёрское образование, боготворила театральную сцену. Ярко одевалась, ценила внимание к себе окружающих, в центре которого она привыкла быть с малых лет, поскольку часто позировала отцу, очень гордилась этим, как должное воспринимала восторженные отзывы о своих портретах. На её карточках значилось несколько вычурное Vera Repine и более ничего. Вторая дочь Татьяна – душевнобольная – пренебрежала в полной мере зависимости от окружающих, хотя и пряталась от людей, никого видеть

мочь, чем был в состоянии. Помимо прочего, заказал Репину портрет свояченицы – актрисы А. Д. Шуваловой. А когда работа была закончена, устроил её торжественную презентацию с обильными кушаньями и выпивкой – праздник, который был тогда всем так нужен, чтобы приободриться, поднять настроение. Нам особенно дороги сохранившиеся снимки этого веселья в тяжёлые годы.

Мой отец Николай, ещё со школьной скамьи увлекавшийся искусством, попросил Репина сделать его своим помощником – чем-то вроде секретаря или, опять-таки обращаясь к современному языку, дилера: покупал для Ильи Ефимовича краски, холсты, кисти, выполнял самые разные поручения,

Общая фотография после торжественной презентации портрета актрисы А. Д. Шуваловой, написанного Ильей Репиным. Во втором ряду справа – Александр Шувалов, Вера Репина, художник и его модель. На переднем плане справа – Николай и Мария Шуваловы.

не желая. Следы младшей, Надежды, после революции затерялись где-то в России, откуда она то ли не смогла, то ли не захотела выбраться.

Победа революции обернулась для Репина нищетой и безвестностью. Денег не было ни на еду, ни на дрова, а без них – гибель. Даже на краски средств не было. Тут Репину пришёл на помощь мой дед. Видя бедственное положение соседа, старался по-

выступал в качестве связующего звена между художником и внешним миром. Надо сказать, что сам Репин коммерческой жилки не имел – не умел и не любил предлагать свои произведения на продажу. Не удивительно, что вскоре он передоверил эти задачи расторопному Николаю Шувалову. В оплату за услуги тот получал небольшие рисунки и карандашные наброски живописца.

успешным, практически не зная финского! В то время это был удивительный аппарат!

Моя тетя, Мария Шувалова, захотела выучиться на парикмахера и уехала учиться во Францию. Там вышла замуж за Владимира Воротникова, но брак не удался. Вторым её мужем стал украинский эмигрант Владимир Михайлик. Много лет она держала известный салон в Saint Chamond недалеко от Лиона.

Скончалась там, в 1982 году...

В 1928 году письма, открытки, телеграммы, словно ласточки порхали между Куоккала и Ууденманкату в Хельсинки. Сначала сам Илья Ефимович, затем его дочь Вера отправляли картины на продажу, а мой отец оплачивал аванс. Он также помог получить образование младшему сыну Юрия Репина – Дмитрию в высшей школе строительных инженеров в Праге. После смерти деда в 1929 году мой отец, Николай Шувалов взял на себя заботу о Репиных. Сам Репин был уже тяжело болен, а Вера и Юрий полностью от него зависели – жили на его иждивении. Вести приходили всё более тревожные. В доме Репиных царил запустение. Немногие друзья-эмигранты разбегались кто куда. 29 сентября 1930 года Илья Ефимович Репин скончался в возрасте 86 лет. Узнав о случившемся, Николай немедленно выехал в Куоккала, организовал и оплатил достойные похороны. Согласно завещанию покойного, его похоронили в саду близ дома. После смерти художника отец продолжал помогать Вере и Юрию, посылал средства на лекарства. "Нужны деньги для покрытия банковской ссуды и на самое необходимое", - это из сохранившегося письма Веры моему отцу от 4 июля 1931 года. А ведь моему отцу в то время было только 24 года. Наследникам же великого живописца Вере - 58 лет, Юрию - 53 года. Доходило до того, что Вера присылала для продажи свою одежду и всегда запрашивала за неё непомерно высокую цену. Постепенно они начали распродавать вещи отца: поредела библиотека, нашёлся покупатель на прекрасный ковер. Но Репины продолжали нуждаться. Николай Шувалов в это время приобрёл такие картины Репина, как "Прометей", "Грешница", "Дьякон", "Казак на Чёрном море", большое количество рисунков и некоторые акварели.

Чувствовалось приближение чего-то страшного. Ещё до начала "Зимней войны" и последовавшей за ней эвакуацией отцу удалось переехать в безопасное место – в Швецию 20 респинских работ, выполненных маслом, и несколько акварелей. Вся мебель и большинство предметов быта были брошены. Вера

перебралась в Хельсинки, умерла в 76 лет и похоронена здесь на православном кладбище. Юрий в эвакуации оказался в тяжелейших обстоятельствах. Он считал, что у него нет шансов выжить, и завещал сыновью передать Николаю Шувалову бронзовую скульптуру работы Трубенского в качестве гарантии полученного ранее займа. Николай выслал ему денежный перевод, чем избавил его от навязчивых мыслей о неминуемой кончине. В конце 40-х Юрий обрелась в общежитии Армии Спасения. Жившие в Хельсинки его соотечественники запомнили его полубезумным, бродящим по городу зимой и летом в коричневой монашеской рясе с ермолкой на голове и сандалиях на босу ногу. Еду, он искал среди отбросов на городском рынке. С деньгами обращаться не умел. Собственные картины раздавал всем, кто попросит. Ослабев от бесконечных постов, он окончательно тронулся рассудком и попал в психлечебницу в Лапинлахти. Конец его был ужасен: в 1954 году он выпрыгнул из окна четвёртого этажа общежития Армии спасения. Похоронили его рядом с сестрой на православном кладбище.

Мой отец, Николай Шувалов, был человеком весьма состоятельным. К маме моей, Марине Акутиной, 23-летней художнице из известного рода Жаворонковых, происходивших из Выборга, он посватался, когда ему исполнилось 35 лет. Маминя семья владела в ту пору самым красивым зданием в этом городе – «Дворцом Эден» в районе Панцарлахти. Самой известной обитательницей этого дома была Анна Вырубцова, фрейлина последней российской императрицы Александры Федоровны. Из маленькой пенсии и скромных заработков за преподавание языка она помогала своей матери, Надежде Танеевой, и племяннице, Татьяне фон Пистолкор. Вырубцову при посещении Выборга навещал маршал Маннергейм. Родители мои обвенчались в Хельсинки в 1942 году. Поселились они сначала на улице Топелиуса, но после смерти бабушки, папиной мамы, переехали в квартиру на Ууденмаанкату. Их первенец, Петр Шувалов, появился на свет в 1946 году, а я – в 1951-ом.

Отец постоянно расширял сферу деятельности. Важным направлением стало установление деловых контактов с текстильщиками. После войны тканей отчаянно не хватало. Мой брат вспоминал потом, что в квартире постоянно толпились женщины-покупательницы, приходившие к отцу, чтобы выбрать отрез на платье. Они уходили счастливыми, бережно прижимая к груди заветный сверток. Отец и сам ходил на предприятия, где преобладал женский персонал, чтобы предложить свой товар. Мама же была далека от мирской суеты, всю себя отдавала написанию пейзажей и цветов.

Одно из самых моих памятных воспоминаний детства: со стен гостиной на нас смотрят картины Репина. Жизнь среди его полотен была для нас чем-то

совершенно естественным. Вот только экспозиция часто менялась. Приходили покупатели, галеристы и интendantы музеев, выбирали картины, уносили их с собой. Особенно удачные продажи весело отмечали. Иногда даже далеко за полночь. Часто бывали исследователи творчества Репина, интересовались его судьбой, что-то хотели уточнить, перепроверить. Ведь папа

дедушка Павла, которого я никогда не видела, поскольку его не стало в 1947 году, и прекрасна, и трагична. Он был строевым офицером русской императорской армии. В первую мировую сражался в составе 8-го финляндского полка в Карпатах, в 1915-м награжден Георгиевским крестом. Потом воевал против большевиков в Архангельске, где дослужился до полковника.

Я закончила французско-финский лицей. Основным языком у меня тоже был русский. С детских лет хотела стать художницей, но мама считала, что я должна получить «приличную профессию», которая дала бы надежные средства к существованию. Пришлось пойти в училище, где готовили секретарей. Отдала этому три года жизни. Стажировалась в Perusyhtymä, у

Мама моя не только рисовала, но и подрабатывала переводами, свободно говорила на шведском, финском, английском и немецком. Случилось так, что в 1968 году, находясь в Финляндии, один высокопоставленный советский чиновник изъявил желание посетить финскую семью – очевидно, хотел наглядно представить себе типичный уровень жизни. Мама удовлетворила его просьбу. Каково же было его удивление, когда в частном доме он увидел экспозицию картин Репина, не уступающую музейной! Со всей возможной вежливостью он осведомился, можно ли рассказать об увиденном директору Третьяковской галереи. И получил утвердительный ответ. Вскоре состоялся обмен письмами, имевшей целью приобщить хранившиеся у нас полотна к российской общенациональной коллекции. Впрочем, «продажа» картин больше напоминала акт дарения. Отец был человек сентиментальный: он считал, что находившиеся у нас работы Репина, если и не все, то значительную их часть, следовало сделать народным достоянием. После смерти отца в 1968 году мама продолжила ведение переговоров с Третьяковкой и в конце концов согласилась уступить музею часть рисунков по чисто символической цене.

Моей матери Марине Шуваловой не стало в 1998 году. Вместе с ней ушла целая эпоха. Квартира на Ууденмаанкату была продана. Шкафы, где хранились материалы о Репине, пошли на слом: все сбереженные нами исторического значения документы хранятся теперь в Государственном центральном художественном архиве. Они включают в себя различные заметки, сделанные Репиным собственноручно, его письма к Александру и Николаю Шуваловым, вырезки из периодики того времени, расписки, каталоги произведений, черновики контрактов, переписку с частными лицами и организациями и т.п., а также около 2000 фотографий Репина и его работ, 8 альбомов, в которых собраны снимки набросков и этюдов, готовых картин в тематическом и хронологическом порядке. Каталог архива, переданный нашей семьей в общественное пользование, обработан исследователем творчества Репина Митро Кауринкоски. Тема, как он нам сообщил, оказалась для него на редкость плодотворной, поскольку его диссертация рассматривает период жизни Ильи Репина с начала прошлого века до кончины художника. Осмысление творческого и жизненного пути великого живописца могли бы, как мне представляется, дополнить записанные мною аудиокассеты, где звучат голоса ушедших близких мне людей.

Старинные картины все ещё висят у нас на стенах. Отец Николай Шувалов собирал не только полотна Ильи Репина, но и работы других русских художников, проживавших на Карельском перешейке, в непосредственной близости от великого мастера, а именно: Федорова, Орлова, Блазнова, Палатко, Королева...

В квартире Николая Шувалова была экспозиция картин И. Е. Репина, не уступающая музейной

на протяжении всей своей жизни был, по сути дела, его личным биографом. Он собрал уникальное dossier, куда вошли многочисленные публикации по Репину, фотографии, открытки и т.п. Нужный исторический или литературный документ он всегда безошибочно извлекал из ему одному понятной своей системной кипе материалов.

Брат Петя по вечерам убежал в кино, а я, девушка из православной семьи строгих правил, вынуждена была оставаться дома. Может быть именно поэтому мне особенно памятен рассказы родителей о их молодости. Тогда, тяготясь своей несвободой, я выслушивала эти воспоминания: ничем другим заполнить пустоту вечера я не могла. Только годы спустя я поняла, как много мне тем самым было дано Провидением. Мама брала меня с собой, когда навещала фрейлину императрицы на Топелиуксенкату, где та доживала свой век. Помню, что в квартире Вырубцовой всегда царил полумрак, лишь на стене отчетливо выделялись портреты царя и царицы. Все остальное пространство на стенах занимали иконы и фотографии близких ей людей. Самые светлые из моих детских воспоминаний остались от посещений бабушки, мамини мамы, Ольги Акутиной, проживавшей на Хумалистонкату. Я бегала к ней, когда прогуливалась макаронами, хрустящим поджаренным хлебом – в то время и такому угощению были рады, рассказывала о довоенном Выборге. Судьба ее мужа,

За заслуги перед тогдашними союзниками России получил от королевы Великобритании Крест за выдающиеся заслуги и звание Сира. Когда же красные захватили российский европейский север, ему с риском для жизни пришлось бежать, передевшись крестьянином. В последние годы жизни он работал в семейной компании The Wiborg Wood.

Вся наша семья принадлежала к Никольской православной общине, папа был членом ее церковного совета более 30 лет. В церковь ходили регулярно. Брату и мне вечерняя служба казалась усыпляюще бесконечной. Соблюдали посты. Семь недель без мяса на Великий пост было тяжким испытанием, но терпели. Привитая с детства традиция просить благославления на приобретение нового пальто или туфелек по-прежнему памятна мне. Дома говорили по-русски, но дети эмигрантов должны были владеть финским и шведским. Ведь окружение было враждебно к нам настроено, надо было как-то выживать в этой недоброжелательной среде. Брат, учившийся в Хельсинкском лицее, изъявил директору свое желание выбрать русский в качестве основного языка на выпускном экзамене. Получив экономическое образование, Петр в дальнейшем работал переводчиком, затем стал начальником экспортного отдела одной из крупных фирм. В конце концов основал собственную компанию. Живет в Хельсинки. У них с женой трое дочерей: Марина, Ирина и Екатерина, из которых две – художницы.

которой были совместные строительные проекты с Советским Союзом. Владея 6 языками, я без труда продвигалась по служебной лестнице: переводчик, главный переводчик, начальник отдела маркетинга в торговле с советскими партнерами. Вышла замуж за горного советника Кауко Майяла в 1984 году и только тогда смогла осуществить свою мечту – получить нужные для того знания и стать самостоятельным художником. Мои картины выставлялись в Финляндии, а также в Париже, Нью-Йорке, Москве, Ленинграде на Тайване. В своем творчестве я стараюсь объединить обе национальные культурные традиции: яркость красок, динамизм – от русской; лирику, минимализм и простоту – от финской.

В 60-е годы наша семья попыталась связаться с родственниками, живущими по ту сторону границы. Удалось узнать, что братья отца, Николай и Дмитрий, проживают в Ленинграде. Нашлись также Акутины, родственники мамы. Мама с сестрой Ириной, приезжавшей из Швеции, навестили их. Выяснилось, что в ленинградском пригороде, где некогда было дворянское поместье Акутиных, чудом сохранилась улица, названная в их честь. В свое время будущие свекор и свекровь не одобрили неравного, как им представлялось, брака их сына Павла с моей бабушкой Ольгой. Позднее дедушка Павел пытался связаться с матерью, отправил ей несколько продовольственных посылок, но из Ленинграда пришел ответ, что мы, мол, ни в чем не нуждаемся.